

*П.Г. Усенко
(м. Київ)*

**ПОД «ВЫСОЧАЙШЕЙ» ЭГИДОЙ
(у истоков демократической тенденции военной печати)**

Статья освещает возникновение демократической тенденции в ежемесячном журнале «Военный сборник» (1858 г.).

Ключевые слова: *Российская империя, вооруженные силы, реформа, печать.*

В середине XIX века ускорилось разложение абсолютистского строя Российской империи. На фоне неудач в Восточной (Крымской) войне 1853–1856 гг. системно сказался внутривосточный кризис, пронизывавший как аграрный сектор, так и вооруженные силы. «Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот, — считал такой известный знаток военных событий XIX в. как Фридрих Энгельс. — Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения»¹. В период Восточной (Крымской) войны выяснилось, что русская армия (на 1853 г. в регулярных войсках — 1 123 583 солдата и 27 736 генералов и офицеров, в иррегулярных — 242 203 солдата и 3647 генералов и офицеров, а к 1856 г., несмотря на боевые потери, прослеживалось увеличение: в регулярных войсках — 1 742 342 солдата и 35 214 генералов и офицеров, в иррегулярных — 406 981 солдат и 5083 генерала и офицера, в ополчении — 364 421 солдат и 5629 генералов и офицеров)², была плохо экипирована, во многом уступая противнику в снабжении оружием, припасами, транспортом.

Феодальные отношения не способствовали развитию сети средств передвижения, что сковывало возможности стратегически маневрировать, перебрасывать подкрепления для тех или иных военных действий в Крыму, на Дунае, Кавказе, в Прибалтике, на Белом море и Камчатке. К решающему этапу европейской эпопеи на гигантских просторах Российской империи было проложено менее тысячи верст железных дорог, тогда как в островной Англии — более 13 000. Не случайно тогда обосновавшиеся в Балаклаве иностранцы соорудили себе временную железную дорогу³. Свежайшие известия об осаде Севастополя получали в Петербурге через Париж, куда из оккупированного балаклавского Свято-Георгиевского монастыря через Варну была спешно протянута электрическая связь⁴.

Технические новинки с немалым трудом внедрялись в оборонную промышленность, построенную в России на закостенелой базе, на неэффективной эксплуатации рабочих казенных заводов. Не получая достаточно нарезного

оружия, русская армия преимущественно использовала допотопные гладкоствольные ружья, да и тех не хватало для прибывавшего пополнения. Поскольку противник, демонстрируя возросшие огнестрельные возможности, в полевом порядке использовал развернутые цепи, то в борьбе с ним не имели успеха войска, в которых много лет насаждалось упование на операции плотными группировками, в создавшихся условиях очень уязвимыми. Устаревали применявшиеся методы управления: подразделения в пылу сражений нередко оказывались отрезанными от высшего начальства, что не могли компенсировать ни умелые действия тех или иных командиров, ни подвиги солдат и матросов.

Вслед за распадом давнего оплота монархизма в Европе — австро-российско-прусского союза Габсбургов, Романовых, Гогенцоллернов и военных потрясений назревали революционные катаклизмы. Когда люди, изъятые из хозяйствования, пополняли армию, на оставшихся в производственной сфере Российской империи падали многочисленные налоговые тяготы (как прежние повинности, так и чрезвычайные, дополнительно введенные), что усугублялось неурожаем, голодом и эпидемией холеры. Снижение жизненного уровня крестьян привело к распространению антикрепостнических настроений, на практике проявившихся в виде разрозненных бунтов и превратившихся в локальные испытания для власти. Упрочился потенциал волнений и других форм стихийного протеста.

Так, в 1855 г. девять из 12 уездов Киевской губернии охватило мощное выступление крепостных, интерпретировавших царский манифест о государственном ополчении как призыв к записи «в казаки», чтобы в результате вместе со своими семьями избежать крепостного гнета⁵. Хотя «киевская казаччина» была жестко подавлена, весной следующего года в украинских губерниях, перенесших тяготы при военном театре, вспыхнуло аналогичное движение «в Таврию за волей», тысячи участников которого прекращали гнуть спину на помещиков и перемещались к югу, надеясь стать свободными⁶.

Приметы острых осложнений вынудили Александра II, сменившего умершего в 1855 г. Николая I, стимулировать модернизацию. Манифест 19 марта 1856 г. провозгласил усовершенствование «благоустройства», а 30 марта молодой царь заявил, что лучше отменить крепостное право «сверху», нежели дожидаться, когда оно само собою начнет истребляться «снизу». Предпринимая ответственные шаги, он сталкивался с различными идеями, поддерживаемыми то консервативной камарильей, то выразителями либеральных взглядов. 20 ноября 1857 г. направил рескрипт на имя виленского губернатора В.И. Назимова, обозначив отправные точки грядущей «крестьянской реформы». Был отменен закон «О принудительной отдаче в военную службу детей разночинцев и лиц ученого сословия» и некоторые другие стеснительные постановления Николая I, несколько смягчился цензурный пресс.

Одним из тех, кто обеспечивал спасительные меры, был брат царя — великий князь Константин Николаевич. Как куратор морского министерства он ратовал за обновление флота. Рупором начинаний избрал журнал «Морской сборник»⁷. В этом издании, по наблюдению автора специального исследования,

«раньше и отчетливее, чем где-либо проявлялись симптомы «кризиса верхов»: растерянность правительства перед лицом надвигавшейся катастрофы, потеря политической ориентации, ощущение непригодности прежнего правительственного курса и попытки отыскать такую политическую линию, которая вывела бы правящие круги из создавшегося положения»⁸.

Первый российский очаг независимого информирования читателей возник за рубежом: с 1853 г. в столице Англии существовала Вольная русская типография, основанная А.И. Герценом, с 1857 г. выходила газета «Колокол», провозгласившая требование освобождения крестьян от помещиков, свободы слова и уничтожения телесных наказаний. А во второй половине 1850-х годов в Петербурге сложился левый оппозиционный центр, где лидером стал Н.Г. Чернышевский, а легальным интеллектуальным плацдармом — журнал «Современник», принадлежащий Н.А. Некрасову и И.И. Панаеву. С приходом в редакцию Николая Чернышевского этот ежемесячник превратился в трибуну, чью программную актуальность определило публицистическое мастерство Чернышевского и его единомышленников.

Талантливым смельчакам удавалось освещать народные интересы, укреплять соответствующую платформу сопротивления власти. Социальные устремления «партии Чернышевского» во второй половине 1850-х годов отражались в призывах к ликвидации крепостничества. Вырвать «корень», — вот обнародованная в 1856 г. краткая констатация радикализма по поводу насущных проблем⁹. Когда же обстоятельства позволили изъясняться подробнее, Н.Г. Чернышевский емко изложил свои воззрения в статье «О новых условиях сельского быта», датированной 1858 г.: «Много говорили мы о наших недостатках и множество всевозможных недостатков находили в себе, но общий главнейший источник всех их — крепостное право; с уничтожением этого основного зла нашей жизни каждое другое зло ее потеряет девять десятых своей силы»¹⁰.

Соответственно «Современник» 1856–1858 гг. развенчивал апологетов реакции. Тема «крепостное право — невольничество» освещалась из номера в номер. Когда цензура разрешила перевод романа Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», он был разослан подписчикам журнала бесплатным приложением. 25 декабря 1857 г. Некрасов сообщил И.С. Тургеневу: «Я решился еще на чрезвычайный расход — выдаю этот роман при 1-м №... Надо заметить, что это пришлось очень кстати: вопрос этот у нас теперь в сильном ходу, относительно наших домашних негров»¹¹.

Важное место в деятельности демократического толка занимала армия, внимание к которой было глубоко и серьезно, с пониманием, что судьба страны во многом зависит от того, продолжит ли войско прислуживать царизму или выступит на стороне угнетенных. В прошлом правительство нередко использовало вооруженные силы для подавления зачатков общественного сознания. Тем не менее был и опыт восстания декабристов с преимущественным участием военных.

О том, как исторические уроки анализировал А.И. Герцен, свидетельствует «Колокол», откуда в октябре 1857 года зазвучали острее вопросы: «Что

было бы, если б заговорщики вывели солдат не утром 14, а в полночь, и обложили бы Зимний дворец, где ничего не было готово? Что было бы, если б, не строясь в каре, они утром всеми силами напали бы на дворцовый караул, еще шаткий и неуверенный тогда?». Впрочем, ни декабристы, ни революционеры-демократы не стремились к дворцовому перевороту. Оценивая опыт 1825 года, Герцен сделал вывод: «Много ли сил надо было иметь Елизавете I при воцарении, Екатерине II для того, чтобы свергнуть Петра III? Нет правительства, в котором бы легче сменялось лицо главы как в военном деспотизме, запрещающем народу мешаться в общественные дела, запрещающем всякую гласность. Кто первым овладеет местом, тому и повинуются безмолвная машина с той же силой и с тем же верноподданническим усердием. Но заговорщикам 14 декабря хотелось больше, нежели замены одного лица другим, серальный переворот был для них противен, весьма может быть, что они потому-то и не бросились во дворец, а открыто построились на площади, как бы испытывая, с ними ли общественное мнение, с ними ли массы. Они не были с ними, и судьба их была решена!»¹².

В 1854 г. Александр Герцен посвятил армии листовку «Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше» с симпатией к освободительной борьбе: «Вы в Польше, — обращаясь к офицерам и солдатам, — защищаете царя, а не народ, — царя, оставляющего пол-Руси в крепостном состоянии... Знайте же, что, защищая его, вы защищаете все бедствия России; сражаясь за него, вы сражаетесь за помещичьи права, за розги, за рабство...»¹³.

Военная тематика стала одной из важнейших в «Современнике». Знаменательно, что, дебютируя как редактор, Николай Чернышевский подготовил к печати хронику Степана Хметевского «Журнал о военных действиях русского флота в архипелаге и у берегов Малой Азии в 1770–1774 годах» для двух первых номеров «Современника» за 1855 г., причем тогда же рецензировал издание «Крым с Севастополем, Балаклавою и другими его городами», показывавшее «расположение русских и неприятельских войск и состояние осадных работ»¹⁴.

Кроме того, в отклике на книгу «Восточная война, ее причины и последствия» обратил внимание, что Османская империя продолжала сражаться «против собственной воли, по приказанию своих союзников, которые из союзников сделали властелинами слабой державы», что это отнюдь не столкновение России с Оттоманской Портой, чем представлялись события полтора года тому назад, а соперничество с Англией и Францией, оттеснившими Турцию на «второй план» как на боевом поприще, так и в дипломатии¹⁵. Немало внимания «Современник» уделил на своих страницах сделанному Н.Г. Чернышевским критическому разбору первых девяти номеров журнала «Морской сборник» за 1855 г., где особо выделенные известия о судьбе защитников Севастополя были тщательно скопированы¹⁶.

Эпизоды Крымской войны затрагивались «Современником» и в последующие годы. Такой его ведущий сотрудник как Николай Добролюбов подчеркнул особую масштабность эпохи 1853–1856 гг. «Да, теперь уже никто не сомневается в том, что восточная война имела последствия, весьма благодетельные

для нас: она научила нас многому, — сформулировал он в апрельском номере 1858 г. — Самая неблистательность ее конечного исхода была полезна для нас в том отношении, что заставила нас обратить внимание на многие недостатки наши. Во время войны оказались бесполезными многие формальные упражнения, которыми прежде занимали солдат с особенным усердием; оказались недостатки в оружии, недостаток в людях, хорошо развитых и основательно приготовленных к стратегическим соображениям, некоторые злоупотребления, неприметно вкравшиеся среди покоя мирного времени и не укryвшиися под громами войны. Мало того, не одни военные отношения обратили на себя внимание вследствие событий войны. Так, например, известно, что вопрос об устройстве лучших путей сообщения вызван был войною; вопрос о значении специального и общего образования также возбужден был по поводу войны. Но самое важное следствие ее было то, что она вообще расшевелила наш величавый покой и заставила взглянуть повнимательнее на ту систему жизни, которой до того мы следовали»¹⁷.

«Современник» касался различных сторон военного дела. В этом аспекте в 1855 г. по материалам «Морского сборника» было рассказано о нарезном ружье — штуцере, а в дальнейшем по данным английской газеты «The Times» — о пушке Армстронга. В «Письмах без адреса» Чернышевский уточнил, что, хотя «Крымская война, при всех своих неудачах и при всей своей обременительности, не нанесла России удара слишком тяжелого», все же «военные неудачи обнаружили для всех слоев общества несостоятельность того порядка вещей, в котором оно жило до войны», что именно «Крымская война сделала необходимою освобождение крестьян»¹⁸.

Функции царской армии, присущие ей как определенной скрепе государственного механизма, отчетливо проявились внешними и внутренними слагаемыми, причем так или иначе, в сражениях с неприятелем в ходе Крымской войны и при подавлении антифеодальных выступлений крепостных крестьян и национального движения в различных регионах, армия использовалась для проведения реакционной политики. Но, несмотря на то, что она оставалась по своей сути консервативной силой с направленностью против участников антиправительственных выступлений, громадье ее солдат, непосредственных исполнителей карательных операций, само тяжело страдало, нещадно притесняемое командирами и начальниками всех степеней. Опора самодержавия зиждилась на крепостнической основе.

Т.Г. Шевченко, десять лет мучившийся в рядовых, утверждал: «Солдаты самое бедное, самое жалкое сословие»¹⁹. Воинская служба освобождала крестьян от крепостной неволи, тем не менее в казарме они попадали в подобную кабалу — рабскую зависимость от офицеров, видевших в «низших чинах» попросту низших существ. В военной жизни рудиментарно господствовала прусско-гатчинская система, направленная на обеспечение бессмысленной муштры тех, кому приходилось ежедневно сносить придирки и издевательства. Годы тратились на выучку устаревших приемов. Послушание внедрялось зуботычинами, розгами, шпицрутенами. Отдача в солдаты была суровым нака-

занием. Крестьяне воспринимали рекрутчину как жесточайшую повинность, хуже барщины.

По подсчетам, приведенным в «Современнике», с начала XIX века «число рекрут, взятых с каждого поколения податных сословий», составляло около четверти всех мужчин, достигавших совершеннолетия²⁰. Накапливались могучие вооруженные силы в опоре на командный состав из дворян, на подчинение солдат палочной дисциплине, на идеологические и религиозные догмы. Н.Г. Чернышевский подытожил, что отчуждение от населения и соответствующая система воспитания ведет к превращению армии в репрессивное средство: «Присутствие войск повсюду охраняет порядок, устрашая внутренних врагов»²¹.

Состав солдатской массы, взрывы ее спонтанного протеста против того положения, в котором она удерживалась, — все это не могло не привлечь внимания современников, видевших единство интересов крестьян и солдат, что в концентрированном виде отразила прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», предназначенная именно для мужиков и солдат. Вот ее характерный фрагмент: «А вот тоже солдат — ведь из мужиков, тоже ваш брат. А на солдате все держится, все нынешние порядки стоят. А солдату какая прибыль за нынешние порядки стоять? Что, ему житье, что ли больно сладкое? Али жалованье хорошее? Проклятое нонче у нас житье солдатам. Да и лоб-то им забрили по принуждению, и каждому из них вольную отставку получить хотелось. Вот вы им скажите всю правду, как об них написано. Когда воля мужикам будет, каждому солдату тоже воля объявится... Вы так им и скажите, солдатам: вы, братья солдатухи, за нас стойте, когда мы себе волю добывать будем, потому, что и вам воля будет... А еще вот о чем, братцы, солдат просите, чтобы они вас учили, как в военном деле порядок держать»²².

В прокламации к «Русским солдатам от их доброжелателей поклон» офицер-публицист Н.В. Шелгунов анонимно обозначил «самым худым делом» расправы, чинимые войсками. «А вы-то из-за чего убиваете и грабите свою братию — крестьян? Или вы забыли, что вы такие же православные, как и они; что и вы были крестьянами; что и вы терпели от помещиков и от начальства; что, кончив службу, пойдете к себе домой и многие из вас сделаются снова крестьянами?» — спрашивал он солдат и, акцентируя их покорность присяге, предлагал каждому из них считать связанным себя «присягой только на добрые дела». Доказывал: «Когда вас посылают на народ, то царь и командиры, которые вас посылают, — клятвопреступники, потому что не на такие дела вы присягали. Вы присягали защищать страну от врагов, а народ может быть врагом своей страны? Нет, враг страны — тот, кто зло делает народу». От имени «доброжелателей» выражалась надежда на солидарность солдат с крестьянами. «Подумайте, братцы, о том, что мы вам говорим. А говорим мы вам правду, потому что желаем и вам, и народу добра; потому что не хотим видеть разорение родной страны. И народ ждет от вас добра, а не зла. Не на разорение ему вы сделались солдатами: вы служите для защиты его и страны», — аргументировался глубинный смысл. Тут же объяснялось, что «общий враг» —

правлящая верхушка из помещиков, отстаивавшая выгоды «своего брата-дворянина». Заканчивалось воззвание кличем прямого неповиновения властям: «Не думайте, что если вы пойдете и не на свою родную деревню, не на свое родное село, то греха не будет на вашей душе. Вы пойдете против чужих, а другие пойдут против ваших. И выйдет дело одно на одно. А как не пойдете вы и те не пойдут, вздохнет вся русская земля спокойно»²³.

Открыто призывала к сплочению с народом распространявшаяся в киевском расположении запасного батальона Житомирского полка агитка «Житомирцам», чем активист освободительного движения на Украине подполковник А.А. Красовский пытался убедить направляемых умирять крестьянские выступления военнослужащих, что им приказывают быть палачами таких людей как они сами, как их отцы и братья, сестры и матери²⁴.

В тот период срок действительной службы был сокращен с 25-ти до 20-ти, потом еще на 5 лет, а затем — до 12-ти лет²⁵. Объективно разрушалась изоляция войска. Если прежде служба была чуть ли не пожизненной, то ее уменьшенный срок все-таки не исключал возвращения домой. Связь с армией становилась одной из форм сближения с народными массами.

В революционно-демократической среде были опробованы различные каналы влияния — через солдат на крестьянство, через него — на солдатскую массу, но развернуть подобную работу в армии было невозможно без вовлечения в процесс передовых офицеров. Следует заметить, что впервые в русской армии произошло резкое нарушение кастовости начальства. Для замены погибших во время боев интенсифицировалась номинация в офицеры низших чинов и хотя таким образом они автоматически обращались в дворянство, но с 1855 г. — не более чем личное, так как был издан указ о получении потомственного дворянства лишь с ранга подполковника и равного ему²⁶.

В пропагандистски окрашенном течении, охваченном различными конспирациями, оказались люди, связанные с Военной академией, где, как вспоминал Н.Г.Чернышевский, было два кружка — один состоял из части её слушателей, другой — «из лучших профессоров ее»²⁷. Близкими «Современнику» были также недавние офицеры, вышедшие в отставку, — Н.А. Серно-Соловьевич, А.Ф. Погосский. Были и гражданские лица, тесно связанные с военным ведомством: например, в одном доме с Чернышевским жил профессор А.Д. Галахов, преподававший в академии литературу²⁸. Он по-соседски заходил к Чернышевскому «очень часто»²⁹.

В «Современнике» выступал Зыгмунт (Сигизмунд) Сераковский, друг Николая Чернышевского, еще в 1840-х гг. подвергнувшийся ссылке в Отдельный Оренбургский корпус. Герой романа Чернышевского «Пролог» Болеслав Соколовский, чьим прототипом стал Сераковский, произносит знаменательные слова: «Я военный — так или иначе, по своей ли воле или по капризу судьбы, я военный русской службы и слился с жизнью моих сослуживцев, и полюбил их — за то, что судьба привела меня полюбить их, я благодарю судьбу!». С искренним оптимизмом это мог сказать только человек большого мужества и самопожертвования.

Жизнь бывшего студента З. Сераковского была отнюдь не легкой: 4 года рядовым и столько же унтер-офицером. Меры, предпринятые царскими охранителями, чтобы сломить его волю, погасить высокие душевные порывы, оказались тщетными. Случилось никак не предвиденное «опекавшими» его жандармами: ужасы казармы не запугали молодого поляка — уроженца Украины. Постоянное общение с товарищами по службе — солдатами, знакомство с другими политическими ссыльными, и, прежде всего, с Тарасом Шевченко, — все это стало для него настоящим жизненным университетом.

Чернышевский поведал, что чтения и беседы Сераковского неожиданно вызвали такую коллизию: «... Некоторые слушатели восчувствовали время жизни с незнакомою им до того времени острою; им невоготу стало тянуть солдатскую лямку, они бежали в Персию. Часть бежавших была поймана; их привели обратно, наказали шпицрутенами, некоторые из них под шпицрутенами и умерли. Это был для Сераковского один из толчков, побудивших его стремиться, насколько позволяют силы и обстоятельства, к уничтожению телесных наказаний в войске»³⁰.

Раскрепощение личности солдата стало главным содержанием службы Сераковского как офицера Генерального штаба. Ему принадлежал приоритет практических акций по ликвидации в Российской империи палочной дисциплины: его докладная об этом была представлена раньше, чем русский посланник в Брюсселе князь Николай Орлов подал самодержцу свою записку «Об уничтожении телесных наказаний в Российской империи и Царстве Польском»³¹. Несомненно единоклющие революционных демократов по поднятой проблеме: Чернышевский на страницах «Современника» осудил применение телесных наказаний, назвав «противным здравому смыслу»³², Шевченко подобным образом их заклеил как художник, нарисовав «Наказание шпицрутенами» в цикле «Притча о блудном сыне».

Борьба против физических истязаний, которую неустанно вел Сераковский и на которую он, по оценке Герцена, «положил полжизни»³³, направлялась против режима. Если с помощью розг и шпицрутен удавалось бросать войска на усмирение крестьянских выступлений, то ликвидация таких инструментов насилия была насущной задачей. Облегчение положения солдат создавало предпосылки для просвещения ранее забитой (в прямом и переносном смысле) армейской массы.

Долгое время Зыгмунт Сераковский общался с А.Н. Плещеевым. Главным обвинением при отдаче этого поэта-петрашевца в солдаты, было распространение письма Виссариона Белинского к Николаю Гоголю. Если ранее Сераковский мог и не знать этого документа, то в ссылке познакомился с одним из первых распространителей его текста, касавшегося «самых живых, современных национальных вопросов в России»³⁴, — отмены крепостного права и телесных наказаний. На организованных Зыгмунтом в оренбургском крае так называемых «великомолочных» вечерах обсуждались по существу такие проблемы. Он разделял судьбу тех военных, чьи права были попраны, и проникался их интересами, что логично привело его в антиправительственный лагерь общерос-

сийской революционной демократии. Когда в 1856 году З. Сераковский получил офицерский чин, а вместе с тем — шанс возвратиться в Петербург, он не замедлил встретиться с Чернышевским. Их быстрое сближение — симптом тяги к интернациональному объединению, причем заслуживает внимания отраженное в «Прологе» намерение Сераковского увлечь Чернышевского планами как раз работы на военной стезе.

В августе 1856 года, уезжая за границу, Н.А. Некрасов передал Н.Г. Чернышевскому свои редакторские права. Подключение Зыгмунта Сераковского вести рубрику «Заграничные известия» стало одним из принципиальных решений Чернышевского-руководителя. З. Сераковский, который «был хорошим другом Добролюбова и разделял все убеждения последнего»³⁵, поступил летом 1857 г. в Военную академию. Под его влиянием возникла крупная революционная организация, именованная «Кружком Сераковского–Домбровского» (будущий генерал Парижской коммуны Ярослав Домбровский сменил в руководстве своего старшего друга, когда тот в 1860 г. выехал в длительную заграничную командировку)³⁶. Документальные источники удостоверяют, что «с прибытием в С. Петербург ... Сераковского... под его личным влиянием стали мало-помалу около него группироваться... два кружка: штатский и военный»³⁷. И через много лет, разбирая переписку Н.А. Добролюбова с военнослужащими, Н.Г. Чернышевский характеризовал то или иное лицо: «знакомый Сераковского», «товарищ Сераковского по Военной академии»³⁸.

Когорта, выпестованная З. Сераковским, сыграла выдающуюся роль в вооруженном выступлении против царизма. В нее входили будущие герои польского восстания З. Падлевский, Л. Звездовский, Я. Козелл-Поклевский, Р. Траугутт, М. Гейденрейх де Генинг, Ю. Гауке и другие. Перед тем, как Сераковский в 1863 г. стал вождем крупнейшего повстанческого отряда поляков и литовцев, он не только был «главой военного союза, к которому принадлежали поляки и русские», но и «способствовал созданию чисто русского союза»³⁹.

Зыгмунт Сераковский ожидал перемен в армии. Он предлагал, чтобы солдаты и офицеры дислоцировались в своих краях, пользуясь при этом родным языком. Такие национальные соединения, убеждал, соперничали бы между собой в несении военной службы, что способствовало бы подъему духа солдат, стимулируя честь и достоинство воинов. Его сокровенные чаяния отражались даже в докладных записках. Вот отрывок, представленный им как заимствование с французского:

«Во всех государствах жалуются на то, что содержание больших постоянных армий стоит государству огромных сумм, сотни миллионов, что это составляет бремя и тягость для государства, — что армии отрывают от производительного труда (умственного и физического) миллионы рук. К сожалению, жалобы эти большей частью справедливы. Но как помочь этому?

Единственное средство — стремиться к тому, чтобы армия была большой школой, грандиозным рассадником образования народа. Если солдат во время мира овладевает грамотой, получает элементарное образование, то это значит мы готовим ежегодно десятки тысяч учителей для народных школ. Но если

солдат при отставке не в состоянии занять место учителя в народной школе (или другой подобной), то мы сами в этом виноваты и не удивительно, что на нас пеняют и отчасти даже презирают.

Что же говорить об офицерах? После нескольких месяцев летних занятий в поле все почти младшие офицеры (а они составляют огромное большинство) лежат на боку, проводят время в бездействии, в праздности, в кутежах. Между тем офицеры и солдаты составляют цвет молодежи всей страны, цвет физической ее силы. К сожалению, не ищите в рядах армии цвета нравственной и умственной силы народа.

Занимаются ли наши офицеры наукой, литературой, умственным трудом? А между тем это их призвание!

В греческих и римских армиях офицеры были представителями умственного образования и развития страны. Фемистокл и Сципион владели не только мечом, но и пером и словом, и потому-то владели славой и мечом! Греческая фаланга, римский легион — это были представители греческого и римского образования. Если бы погибла Греция и Рим и осталась одна фаланга или один легион, они бы продолжали историческое развитие своих народов.

Можно ли то же самое сказать о нашей армии, много ли в ее рядах людей, которые сумели бы передать своим потомкам историю своей родины, познать их с тем, что мы выработали исторической жизнью?

Удивительно ли после этого, что, исключая краткое упоение победой, на нас вообще смотрят без уважения. «Военный» — теперь значит необразованный или полуобразованный человек. Между тем сколько в военной службе людей, которые по своему призванию должны работать умственно?

По нашему мнению, каждый полк — это школа для солдат и молодых офицеров! Каждая корпусная квартира — это своего рода университет, она должна распространять образование на окрестный край»⁴⁰.

Всего в русской армии на ту пору было 15 корпусов, каждый из которых включал дивизии, сформированные из полков, батальонов и так далее. Расположенный в столице и его окрестностях Отдельный гвардейский корпус имел льготы в комплектовании и материальном обеспечении. Ему поручалась охрана царской семьи, участие в торжественных церемониях. Вместе с тем корпус являлся важным стратегическим резервом. Разумеется, его обязанностью было выступление против «внутреннего врага».

По традиции, царь считался гвардейским офицером (до 1855 г. Александр Николаевич оставался главнокомандующим гвардейским и гренадерским корпусами)⁴¹ и гвардия вообще имела в своем составе немало представителей «верхов». При этом во второй половине 1850-х гг. Отдельный гвардейский корпус не был простой игрушкой августейших персон: по уровню боевой подготовки его подразделения нисколько не уступали армейским, казались образцовыми. Отсюда в армию переходили с повышением многие авторитетные военачальники, так что к началу XX в. около 30% всех командиров дивизий и около четверти всех командиров полков русской армии являлись бывшими гвардейцами⁴².

В гвардии вырос целый ряд деятелей освободительного движения. В Семёновском полку служил член кружка Сераковского-Домбровского Владислав Погожельский, в Измайловском — сотрудник «Современника» Владимир Обручев, в Гатчинском — Ян Козелл-Поклевский, в Павловском — Казимир Левицкий, в Финляндском — Юрий Лугинин, в Кирасирском — Святослав Лугинин и Владимир Чичерин, который стал корреспондентом «Колокола», а до того, в 1856 г., напечатал статью «О полковых командирах» в «Голосах из России», выпущенных Александром Герценом и Николаем Огаревым.

Яркой картиной положения в гвардейских и армейских частях Чичерин развенчал принятое управление войсками и их обеспечение. Отличительными чертами офицерства он выделил «невежество, нерадение к службе, праздность, сильную склонность к разгульной жизни, отсутствие сознания собственного достоинства» и горячо защитил солдата: «Он покидает семейство, родину, все, что для него дорого в жизни, и идет служить отечеству, а вместо того, чтобы вознаградить его за лишения, его подвергают самым тяжелым испытаниям. Даже крепостной крестьянин и тот огражден законом от жестокости помещика, который не имеет права дать ему более 25 ударов за раз. Когда же он поступает в солдаты, он подчиняется произволу всех начальников: каждый из них может наказывать его как хочет, границы не положено, а он не имеет даже возможности принести жалобы». В итоге вышло обобщение, что в армии процветает «организованная система грабительства», и первоочередное предложение — «главное внимание обратить на благосостояние солдат»⁴³.

В штабе Отдельного гвардейского корпуса в 1854–1857 гг. служил Ян (Иван) Савицкий, будущий эmissар польского восстания 1863 г. в Галиции. О своей встрече с Сераковским в Петербурге в 1856 г. он вспоминал: «Я и Чернышевский ввели его в круг лиц, руководивших в то время общественным мнением»⁴⁴. Савицкий был «старшим адъютантом штаба Отдельного гвардейского корпуса по части Генерального штаба», когда к гвардейскому штабу был прикомандирован Зыгмунт Сераковский. А в мае 1858 г. там вышел первый номер «Военного сборника» — своеобразного аналога популярного «Морского сборника». Остается добавить, что в 1858 г. при штабе Гвардейского корпуса открылась Стрелковая офицерская школа, где обучался прапорщик А.А. Потеня — в дальнейшем организатор и руководитель революционного Комитета русских офицеров в Польше⁴⁵.

Командовал Отдельным гвардейским корпусом генерал-адъютант Н.Ф. Плаутин, в 1858 г. уже 63-летний. Фигура довольно примечательная: совсем юным в 1812 г. из студентов Московского университетского благородного пансиона вступил в армию, сражался против агрессии Наполеона. Человек он был, безусловно, преданный короне, но это не мешало двум его родственникам Сергею и Федору Плаутиным в 1862 г. посетить в эмиграции А.И. Герцена (по возвращении будут арестованы).

Литературой XIX в. вся инициатива создания «Военного сборника» приписана генералу Дмитрию Милютину, который, по его словам, «возбудил» об этом «вопрос еще в 1856 г. в тех видах, чтобы поднять уровень военного образования

в офицерской среде и вместе с тем, чтобы распространять сведения о принимаемых в военном ведомстве нововведениях и улучшениях»⁴⁶. Эта точка зрения долго не подвергалась сомнению, и в советской историографии дошло до ошибочных конклюдзий: «Идея создания журнала принадлежала видному либеральному деятелю, впоследствии военному министру Д.А. Милютину, который придавал большое значение периодической печати в подготовке военных реформ»⁴⁷, «по инициативе Д.А. Милютина военное ведомство предприняло с 1858 г. издание нового общевойскового журнала «Военный сборник»⁴⁸, «сравнительно недолго, около года (январь–ноябрь 1858 г.) Чернышевский был главным редактором «Военного сборника», основанного известным либеральным военным администратором Д.А. Милютиным»⁴⁹.

«Большая советская энциклопедия» зафиксировала странное утверждение, что «Военный сборник» вместе с Дмитрием Милютиным будто бы основал Николай Обручев⁵⁰. И это поныне культивируется. Вот недавняя вариация: «В 1858 по предложению Обручева был основан журнал «Военный сборник», первым редактором которого он и стал»⁵¹. Также нисколько не адекватна выявленным обстоятельствам фраза обобщающего труда о книжном деле в Санкт-Петербурге: «Чернышевский принял предложение Гвардейского штаба (по инициативе профессора Академии Генерального штаба Д.А. Милютина) стать главным редактором «Военного сборника»»⁵².

В личном фонде Милютина удалось обнаружить «Проект издания при Гвардейском Генеральном штабе Военного журнала», где действительно представлены цель и программа массового органа для офицеров, но относится документ не к 1850-м годам, а предыдущему десятилетию. «Журнал сей будет способствовать к распространению основных знаний военного дела между офицерами и руководствовать их в самом основании их службы; он обратит внимание молодых офицеров на сущность их обязанностей и послужит к довершению военного их воспитания», — так в узкой ведомственной сфере вполне лояльный проект конструировал Дмитрий Милютин, на что в январе 1842 г. все же «последовал высочайший отказ в дозволении издавать журнал»⁵³.

Правда, в отделе редких книг Российской национальной библиотеки хранится уникальный экземпляр «Военного сборника» 1854 г. Наличие первого номера и указание на предполагавшееся продолжение публикации говорит о том, что тогда действительно предпринималась попытка осуществить издание. Но какое?

В раритете — три раздела: «Часть официальная», «Часть неофициальная» и «Смесь». В первом собраны правительственные циркуляры, журнал военных действий, список генералов, штаб и обер-офицеров, медицинских чиновников, священнослужителей и низших чинов, получивших награды за боевые действия, список убитых офицеров, а также «список офицеров раненых и контуженных в делах против турок». Во втором — статьи о «мужестве и доблести русского войска», о вооруженных силах Турции, извлечения из писем старших медицинских чинов, в третьем — рассказ об обращении турецкого султана к своим пашам и другие известия. Дальнейшая судьба этого редкостного «Военного

сборника» неизвестна. Похоже, какого-то внимания он не привлекал. Тот же Д.А. Милютин в своих пространных воспоминаниях о нем ничего не говорил...

В 1857 г. Дмитрий Милютин находился в Тифлисе (Тбилиси) на посту начальника штаба Кавказской армии. В эпистолярии сохранились фразы, адресованные ему генералом А.П. Карцовым (Карцевим) — обер-квартирмейстером Отдельного гвардейского корпуса 24 февраля 1857 г.: «Опять здесь поднимается вопрос о военном сборнике. Вы, кажется, составляли программу для Катенина. Нет ли у Вас черновой и не можете ли Вы снабдить меня ею. Много бы обязали этим»⁵⁴.

Видный участник революционного движения 1860-х годов В.Н. Шаганов на основании услышанного им от Н.Г. Чернышевского указал на связь с «Военным сборником» Зыгмунта Сераковского. Даже был готов специально осветить затронутую тему в мемуарах, и, хотя намерение не реализовал, однако ценно само по себе такое упоминание «по поводу Сераковского»⁵⁵. Любопытно, что у Н.Д. Новицкого рассказ о «Военном сборнике» и участии в нем Чернышевского соседствует со словами о З. Сераковском⁵⁶. А по сведениям генерала М.А. Домонтовича, в то время З. Сераковского «можно было встретить как своего человека в доме у многих тогдашних влиятельных людей, между прочим и у А.П. Карцева»⁵⁷.

Примечательны не только контакты Александра Карцова с Николаем Чернышевским и Зыгмунтом Сераковским, с одной стороны, а с Дмитрием Милютиным — с другой, но даже такая биографическая деталь, что его жена Екатерина была племянницей декабриста И.И. Пущина — однокашника и ближайшего друга А.С. Пушкина⁵⁸. Карцов с отличием окончил академию, с 1849 г. читал в ней лекции, затем исполнял обязанности главного наблюдателя за преподаванием профильных предметов в военно-учебных заведениях. Он, создатель первых в России пособий по истории военного искусства, в начале 1850-х гг. печатался в «Современнике».

Называя его взгляды реакционными, неоднозначную и довольно противоречивую оценку Карцову как историку дал такой известный автор как Л.Г. Бескровный. Причем привел доказательства чуть ли не обратного: «войну Карцев рассматривал как следствие политики государств», вопросы тактики «рассматривал в тесной связи с изменением в вооружении и составе русских войск», еще в первой половине XIX в. пытался «раскрыть основные принципы линейной тактики и тактики колонн и рассыпного строя», а слушатели академии считали его «выдающимся педагогом»⁵⁹.

Очевидно, в середине 1850-х годов А.П. Карцов ждал изменений в государстве. По письмам Милютину можно судить, что они вместе входили в петербургский кружок К.Д. Кавелина, с 1857 г. — учителя русской истории и гражданского права цесаревича Николая Александровича, юного наследника престола. Александр Карцов горячо поддержал крупную политическую демонстрацию либералов — обед в московском купеческом собрании зимой 1857/58 гг. (для участия тогда из Петербурга прибыл Кавелин). Этот факт весьма интересен в свете резонансного размещения Н.Г. Чернышевским на страницах

апрельского номера «Современника» 1858 г. фрагментов кавелинской «Записки об освобождении крестьян в России», созданной еще в 1855 г. и ранее частично представленной в «Голосах из России». В ней было введено понятие «государственное крепостное право» с объяснением, что оно охватывало государственных и удельных крестьян, казенных мастеровых, военных поселян и солдат.

Указывая, насколько «дурного качества» были ружья и снаряды, произведенные в России, автор «Записки» ссылался на людей, убежденных, что «одно только и есть средство сравняться в этом отношении с иностранными государствами — заказывать снаряды и оружие частным фабрикантам и заводчикам». В «Записке» имена экспертов не раскрывались, но отмеченные выше обстоятельства дают основание видеть среди авторитетных консультантов, чье мнение учитывалось, Д.А. Милютин и А.П. Карцова. «Трудно представить себе что либо несправедливее, тягостнее для народа, разорительнее для государства и противнее здравому смыслу», — так оценивал Кавелин Устав о рекрутской повинности⁶⁰. Милютин и Карцов с уважением отзывались в своей переписке: «наш Константин Дмитриевич», «наш милый и храбрый Константин Дмитриевич»⁶¹. В 1860-х гг. Милютин занял пост военного министра, а Карцов как один из его соратников принял Харьковский военный округ.

Карцову принадлежат горькие строки, адресованные Милютину: «Вы помните, что когда решено было рескрипт петербургскому дворянству публиковать, все были уверены, что из всех губерний дворянство волей-неволей поспешит выразить желание исполнить волю государя. Представьте, что эти скоты противопоставляют повсюду самую упорную и тупую оппозицию... В то же время цензура ни с того, ни с сего начала бесноваться. Запрещают все статьи, в которых касаются сколько-нибудь вопроса об освобождении крестьян»⁶². По службе он был непосредственно подчинен командиру Отдельного гвардейского корпуса генерал-адъютанту Н.Ф. Плаутину и начальнику штаба этого корпуса Э.Т. Баранову — инспираторам обращения главнокомандующего гвардейским и гренадерским корпусами Ф.В. Ридигера к Александру II в 1855 г. с предложением переработки военных уставов, чтоб, изменив управление войсками и их обучение, обратить должное внимание на индивидуальную подготовку солдат и офицеров.

Император поддержал преобразования: были упразднены военные поселения, военные кантонисты и солдатские дети причислены к свободному состоянию, созданы специальные стрелковые батальоны, приняты меры для распространения грамотности среди солдат, улучшения их физической формы. В двух гвардейских полках — Измайловском и Конном — под надзором корпусного штаба были созданы хозяйственные комиссии из офицеров для рационального расходования денег, отпускаемых на содержание солдат. Раньше эти средства бесконтрольно расходовались полковыми командирами⁶³.

Членом-редактором чрезвычайно уполномоченной «Комиссии для улучшения по военной части» стал Карцов, в 1855 г. служивший при Ридигере, а с 1857 г. — в Отдельном гвардейском корпусе. В 1856 г. у него была возможность поехать в Кавказскую армию на высокую карьерную должность с перспективой

высоких званий и наград, но он предпочел остаться в Петербурге. Откровенно объяснил причину: «Отказываясь ехать на Кавказ в 1856 году, я, признаюсь, надеялся, что граф Баранов и Плаутин, поставленные так близко и так хорошо при государе, сумеют удержать свое поведение, сумеют продолжить так действовать, как начали, что через них, может быть, и мне удалось бы принять участие в общем деле»⁶⁴.

В 1857 г. генералы Николай Плаутин и Эдуард Баранов представили Александру II рапорт об издании «Военного сборника», причем Плаутин предварительно объяснился с монархом, получив его соизволение «войти по этому предмету с формальным представлением». 1 ноября 1857 г. командование Отдельного гвардейского корпуса снеслось о том же с военным министром Н.О. Сухозанетом⁶⁵. Как указывал Н.Ф. Плаутин, по сравнению с прежними соображениями он выдвинул в итоге кардинальное предложение: не делать «обязательной» подписку «Военного сборника» (т.е. не вынуждая офицеров подписываться на ежемесячник, что могло бы вызвать предубеждение против него), дабы «за выдачею от казны пособия основать издание журнала на добровольной подписке», объявить: «Если число подписчиков в войсках превзойдет 4000, то цена будет по соразмерности сбавлена»⁶⁶. Вскоре «Главные основания для издания «Военного сборника»» были утверждены.

Резюме удалось обнаружить в Российском государственном военно-историческом архиве:

«1. Военный сборник издается с той целью, чтобы доставить офицерам нашей армии за возможно дешевую цену полезное и занимательное чтение, возбудить в них любознательность и охоту к военному образованию, офицерам же, наиболее способным и знающим, дать средство сообщать свои знания через печать всем товарищам по оружию.

2. По назначению своему «Военный сборник» не должен иметь характера специально-военного, он должен быть журналом военно-литературным, представлять читателям свои статьи и для серьезного научного чтения, и для чтения легкого, статьи, по возможности, доступные понятиям нашего армейского офицера.

3. На основании сказанного каждая книжка журнала должна представлять следующие четыре отдела:

I отдел (официальный)

а/ извлечения из высочайших приказов, приказов главнокомандующими армиями, военного министра, генерал-инспектора по инженерной части, генерал-фельдцейхмистра, начальника главного штаба по военно-учебным заведениям и командиров отдельных корпусов;

б/ извлечение из циркулярных объявлений департаментов военного министерства;

в/ те из общих узаконений, которые имеют какое-либо отношение с военным бытом.

Примечание: В извлечениях этих должно заключаться все, относящееся до изменения состава войск, управления их, вооружения, формы одежды и проч. в

той мере, в какой необходимо знать каждому офицеру. Таким образом, отдел этот будет служить подручным сборником всех современных постановлений и узаконений. (Извлечения эти, само собою разумеется, не могут заменить подлинных приказов и циркуляров, которые в настоящее время обязаны выписывать различные штабы и другие управления).

II отдел. Военных наук

а/ тактика;

б/ военная история;

в/ военная администрация;

г/ военная статистика;

д/ фортификация и артиллерия.

Примечание: По военной истории помещать преимущественно описания и разборы тех сражений, в которых принимали участие русские войска. К каждому из описаний должны быть приложены соответствующие карты и планы.

III отдел. Литературный

а/ рассказы из военного быта;

б/ записки /мемуары/ военных людей;

в/ путешествия, имеющие военный интерес;

г/ биографии.

IV отдел. Смесь

а/ извлечения из журналов Комиссии улучшений по военной части и всех отделений военно-ученого комитета;

б/ открытия и опыты разного рода, за границей произведенные;

в/ библиографические известия о военных книгах и статьях разных журналов, выходящих на русском, французском, немецком и английском языках.

Сборник должен выходить ежемесячно по одной книжке около 20-ти листов в каждой.

4. Журнал издается при Штабе Отдельного гвардейского корпуса под главным наблюдением начальника штаба.

5. Редакция поручается: одному общему редактору, в помощь которому назначаются два военные редактора.

6. Редакция заведует всею хозяйственною частью журнала и приискивает сотрудников на тех условиях, какие по взаимному соглашению будут между ними поставлены. Статьи при предварительном рассмотрении и переработке их редакторами должны поступать на одобрение цензуры гражданской. От военной же цензуры они освобождаются.

7. Цена журналу назначается 6 руб. в год с обязательною подпискою для всех штабов, начиная со штабов отдельных батальонов.

8. В пособие изданию правительством ежегодно отпускается 12000 р[ублей] сер[ебром], с тем что, если число подписчиков достигнет той цифры, при которой общему редактору будет отчисляться 2400 р[ублей], а частным по 1200 р[ублей], то из последующей затем прибыли 50% должно поступать в пользу редакции, 25% для составления запасного капитала и 25% для погашения ежегодного вспомоществования, журналу выдаваемого.

9. Издание должно начаться с 1-го мая 1858 года с подписною ценою за 8 книжек нынешнего года по 4 р. сер[ебром]»⁶⁷.

Дополнительно уточнялось, что «высочайше повелено: в смеси предполагаемого к изданию нового военного журнала помещать только одни военные предметы»⁶⁸.

Наконец утверждался редакционный штат: общий редактор с двумя военными помощниками, причем издание подпадало только под гражданскую цензуру. В брошюре Н. Makeева «Н.Г. Чернышевский — редактор «Военного сборника»» по этому поводу ошибочно указано на распоряжение 28 ноября о том, что «статьи сего журнала, относящиеся к предметам военного ведомства, и потому подлежащие его рассмотрению, отправлять из общей цензуры предварительно на заключение лица, назначенного от военного министерства для сношений с цензурным комитетом»⁶⁹. Однако процитированное касается 28 ноября не 1857-го, а следующего 1858 г.⁷⁰

«Главное заведывание» изданием «Военного сборника» царь доверил 45-летнему генерал-адъютанту, начальнику штаба Отдельного гвардейского корпуса графу Эдуарду Баранову, вменяя «приискать главного и частных редакторов». И тот, на кого возлагалась ответственность «за благонамеренность направления и за соответствующее цели содержание журнала»⁷¹, обязал наладить контроль за изданием Александра Карцова, вскоре ощутившего себя «посредником» между редакцией и начальством⁷². В корректурных листах «Военного сборника» — следы прямого вмешательства генерала Карцова: вычеркнут ряд авторских строк; целиком запрещена статья «Фридрих Великий», предназначавшаяся для второго номера журнала и содержавшая «критический разбор, весьма едкий, характера нескольких прусских владетелей»⁷³.

Письмом от 7 января 1858 г. Николай Чернышевский известил отца:

«Я должен сообщить Вам об одном деле, которое мне предложили на днях и которое, повидимому, устраивается. Но так как оно еще не установилось окончательно, то я и говорю о нем только как о надежде, довольно вероятной, но еще только надежде.

Граф Баранов вздумал издавать для распространения образованности между офицерами русской армии «Военный сборник». Заняться устройством этого дела он поручил генерал-квартирмейстру Гвардейского генерального штаба Карцеву. С Карцевым я был несколько знаком, и он предложил мне быть редактором этого издания. Я согласился. Граф Баранов велел приготовить доклад государю. Вчера я слышал, что доклад этот утвержден, мне говорят, что это издание может принести пользу нашим офицерам, которые до сих пор читали слишком мало и оттого в Крымскую кампанию показали себя людьми, правда, храбрыми, но не способными бороться с успехом против неприятеля, приготовленного к распорядительности и находчивости на поле сражения умственными трудами в мирное время.

Если это назначение состоится, я буду заниматься сообщением статьям, которые большею частью будут написаны дурным языком, такой формы, чтобы они могли явиться в печати приличным образом; кроме того, мне придется

рассматривать окончательно, заслуживает ли печати статья по своей дельности и занимательности, и справедливы ли мысли в ней излагаемые. Для оценки статей чисто военного содержания, относительно их достоинств по военной части, будут у меня два помощника — двое профессоров Военной академии»⁷⁴.

Искомый дуэт составили 27-летние коллеги — подполковник Генерального штаба В.М. Аничков и капитан Гвардейского штаба Н.Н. Обручев. Оба, после кадетских корпусов окончив военную академию, преподавали в ней. Были знакомыми Чернышевского, Добролюбова, Сераковского, который, поступая в 1857 г. в академию, констатировал: «Молодые профессора предлагают мне место адъюнкта, говорят, что для меня соответствующее место — кафедра, а не студенческая скамья...»⁷⁵. Молодыми профессорами в ту пору были Аничков и Обручев.

Виктор Аничков только-только, в ноябрьском и декабрьском номерах «Современника» за 1857 г., опубликовал результаты своих зарубежных наблюдений — «Очерки Алжирии. Из записок армейского офицера», до этого — монографию «Ваграмское сражение» и две книжки под заголовком «Военно-исторические очерки Крымской экспедиции (1855–1856 гг.)», положительно оцененные Николаем Чернышевским⁷⁶. В 1855 г. Аничков, вовлеченный Дмитрием Милутиным, занимался подготовкой представленной царю (и понравившейся ему) «Карманной справочной книжки для русских офицеров» (Санкт-Петербург, 1856), на том поприще сотрудничал с Александром Карцовым и братьями последнего, служившими в лейб-гвардии Семеновском полку Павлом и Нилом⁷⁷. Теплые отношения между Аничковым и Чернышевским сказались настолько, что в 1858 г. Аничков вместе с А.Я. Панаевой стали крестными младшего сына Н.Г. Чернышевского Михаила⁷⁸.

Миновало совсем немного месяцев и Аничков, назначенный вице-директором комиссариатского департамента Военного министерства, отошел от редакторства в «Военном сборнике» (его заменил полковник Генерального штаба Х.Г. Окерблом — начальник штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, бывший однокашник Николая Обручева). Тем не менее продолжались его встречи с Чернышевским, дружба с Добролюбовым (вспоминая об этом в конце своей жизни в связи с «Материалами для биографии Н.А. Добролюбова», Николай Чернышевский отметил «желание самого Аничкова сблизиться через Николая А[лександровича] с Некрасовым», добавив: «Н[иколай] А[лександрович] мог иметь большое влияние на устройство дел, какие хотел Аничков завести с Некрасовым; это были денежные дела»)⁷⁹.

Бывший офицер Генштаба Ян (Иван) Станевич в своих мемуарах, посвященных Зыгмунту Сераковскому, называл Виктора Аничкова «очень либеральным». В то же время, при хороших отношениях с ним, характеризовал его как человека «очень ловкого, умеющего эксплуатировать в свою пользу обстоятельства». И заметил, что многое, касающееся экономических вопросов, за того написал Сераковский⁸⁰.

Николай Обручев под венец своей карьеры — начальник Главного штаба, на исходе XIX века — член Государственного совета, генерал от инфантерии,

генерал-адъютант, кавалер многих российских и иностранных орденов (среди них — святого апостола Андрея Первозванного, французского Почетного легиона), заслуженный профессор Академии Генерального штаба, почетный член Императорской Академии наук. Ему удалось разработать стратегию войны с Османской империей, приведший к освобождению Болгарии от османского ига, а в 1863 г. он, будучи начальником штаба гвардейской дивизии, отважно «отчислился» от должности, протестуя против подавления поднятого тогда польского восстания.

В начале 1850-х годов юный Обручев зарекомендовал себя блестяще: через 2 года после учебы в кадетском корпусе, 20-летним написал «Опыт истории военного искусства в России», еще через 3 года — «Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 г.». За отличие в военной академии 1854 г., был награжден серебряной медалью и удостоился чести, чтобы его фамилия была занесена там на мраморную доску. Со следующего года — адъютант-профессор, с 1857 г. — профессор, совмещающая преподавание с должностью дивизионного квартирмейстера гвардейской пехотной дивизии. В формулярных списках Отдельного гвардейского корпуса на 1 января 1857 г. значился капитаном, что приравнивалось в положении армейского подполковника (имел преимущество старшинства в два чина). Никакими именьями не владел.

9 января 1858 г. Н.Г. Чернышевский, В.М. Аничков и Н.Н. Обручев получили уведомление за подписью графа Баранова о том, что Александр II разрешил «Военный сборник», утвердив Чернышевского общим редактором издания, а Обручева и Аничкова — военными редакторами. Кроме того, начальник штаба Отдельного гвардейского корпуса попросил Чернышевского принять «заведование и всею хозяйственной частью журнала»⁸¹ (так что не ограничивался редакторством «по литературной части», как трактована его должность в широко растиражированной «Советской военной энциклопедии»). В связи с этим Чернышевский сообщил отцу: «Определение мое редактором «Военного сборника» состоялось; я получил уже бумаги, извещение об утверждении меня редактором и инструкцию, которая утверждена государем. Теперь остается только подождать еще с полгода, удастся ли мне поддержать хорошие отношения, в которых я теперь нахожусь с людьми, имеющими наблюдение за порученным мне изданием: главным образом важен тут Карцев. Теперь, как я сказал, мы с ним хороши; если это поддержится, мое положение упрочится»⁸².

Несколько работ Н. Макеева и Р. Таубина, появившихся в 1940–1950-х годах⁸³, коснулись «Военного сборника», но очень поверхностно. В противовес утверждению, что «вопрос о деятельности Н.Г. Чернышевского в «Военном сборнике», о направлении и содержании этого издания довольно обстоятельно освещен»⁸⁴, предпринятое исследование архивных фондов позволяет полнее осветить комплекс различных материалов.

Удалось обнаружить, что 7 января 1858 года Карцов уведомил Милютину: «Вчера утвержден «Сборник военный». Он будет издаваться при гвардейском штабе. Редакторы — Чернышевский, Аничков и Обручев», а 2 февраля — что

«Военный сборник» еще до появления первого номера «уже успел нажать себе врагов: во 1-х, в лице морского начальства, которое рассердилось, зачем журнал смели назвать сборником; во 2-х, от в[оенной] цензуры за то, что его освободили от ее влияния, в 3-х, от в[оенно-] ученого комитета, издающего «Военный журнал». В таких условиях редакция, решившая преждевременно не открывать свои намерения, показала Карцову «немножко беспечною»⁸⁵.

Итак, массовое издание для офицеров русской армии стало возможным только после поражения царизма в Крымской войне, когда страх перед наступающим освободительным движением заставил правительство подумать об актуальности изменений, о реформах, в том числе как «крестьянской», так и военной. Впрочем, процесс усложнялся явными и подспудными неприятностями.

Поскольку рутинные органы военного министерства — газета «Русский инвалид» и «Военный журнал» — практически не имели общественного значения (свидетельства говорят о «Военном журнале» как о «никем в войсках не читаемом, бесцветном», о «Русском инвалиде» — как о «находившемся в жалком состоянии»)⁸⁶, с помощью нового военно-литературного ежемесячника правительство собиралось влиять на армию так, чтобы по-своему приспособить ее функции к своим насущным нуждам. Но этим желаниям не суждено было сбыться, пока «Военный сборник» вел Чернышевский: хотя издание санкционировалось самим царем и финансировалось из средств государственной казны, в необычных обстоятельствах закладывался фундамент откровенного общения с его страниц с офицерами, через офицеров — с солдатами.

Различными каналами (вплоть до циркуляра военного ведомства от 3 февраля 1858 г.)⁸⁷ распространялось объявление о предстоящем выпуске «Военного сборника». По сравнению с «Главными основаниями для издания «Военного сборника», высочайше утвержденными», подписанное Н.Г. Чернышевским, В.И. Аничковым и Н.Н. Обручевым «Объявление об издании журнала «Военный сборник»» — несколько объемнее. Оно анонсировало пополнение разделами «Выдержки из журналов, русских и иностранных» и «Все нововведения по военно-административной и строевой части во всех государствах» (при этом разъяснялось, что «по тактике будут помещаемы преимущественно статьи, касающиеся к разрешению вопросов, возбужденных событиями последней войны»), условиями подписки и оплаты гонорара, а главное — доверительно обращалось к потенциальным авторам:

«Чтобы соответствовать своему назначению, «Военный сборник» будет стараться изложение всех статей сделать общедоступным и общеинтересным, заботясь о соединении ученых достоинств их с популярностью. Редакция употребит все усилия, чтобы наполнять журнал по преимуществу такими статьями, которые имели бы живое значение для нашего военного быта и возбуждали бы в читателях деятельность мысли. Всестороннее, добросовестное изучение настоящего материального и нравственного состояния наших войск будет первою обязанностью журнала. Редакция сознает всю важность этой обязанности, всю трудность ее исполнения; преодолеть эту трудность она надеется при помощи

всех образованных и заботящихся об общем благе русских офицеров, поэтому и обращается ко всем служащим и служившим в рядах нашей армии офицерам с просьбою содействовать ей в деле изучения нашего быта и распространения в войсках всех сведений, до военного дела относящихся.

В какой бы форме ни была написана статья, основательно излагающая состояние того или другого отдела наших войск, той или другой стороны военной нашей жизни, она будет с равною признательностью принята в «Военном сборнике». Систематическое исследование, простой рассказ, заметки в форме воспоминаний или наблюдений — все может быть равно прекрасно и полезно, лишь бы только было дельно и правдиво. Многие из опытейших и достойнейших людей, в совершенстве знающих свою часть, затрудняются передавать на общую пользу посредством печати плоды своих наблюдений только потому, что их останавливают требования так называемой литературной формы; но знание дела и здоровый взгляд на него — достоинства более важные, нежели изящество языка, и если статья написана человеком дельным, ясно понимающим свой предмет и излагающим мысли основательно обдуманые, она всегда будет оценена по ее внутреннему достоинству. Такие статьи «Сборник» будет считать лучшим своим украшением.

Желая сколь возможно избежать односторонности воззрений, редакция будет охотно помещать в «Сборнике» все возражения и замечания на статьи, в нем же напечатанные.

Относительно каждой присылаемой в редакцию «Военного сборника» статьи автор будет получать от редакции уведомление, намерена ли редакция поместить ее в журнале, если только потребует уведомления об этом.

Если автор по какой-либо причине не желает подписывать своим именем принадлежащую ему статью, имя это останется ненарушимую тайною редакции.

Вознаграждение за статьи, помещаемые в «Военный сборник», определено: за извлечения и компиляции по 30 р[ублей] сер[ебром] с печатного листа, а за оригинальные статьи — до 50 р[ублей] сер[ебром], и в некоторых случаях выше. Автор может сверх того, если пожелает, получать бесплатно от 25 до 50 отдельных оттисков своей статьи: для этого нужно ему только отметить на самой статье, что он желает иметь отдельные оттиски»⁸⁸.

«Его нашли революционным»⁸⁹ — писал А.П. Карцов о впечатлении, произведенном таким актом. Приглашая к сотрудничеству офицеров, редакция стремилась создать им условия для свободного обмена мыслями. Чернышевский настойчиво отстаивал в издании журнала и свою личную независимость от генералов», чтобы «говорить прямее»⁹⁰.

Большую роль в собирании демократических сил сыграл «Современник», в февральском номере которого за 1858 г. одновременно появились две публикации: объявление о предстоявшем выходе «Военного сборника» и рассказ «Чудо «Морского сборника»», подписанный псевдонимом Иван Путинка⁹¹. Появилась своеобразная иллюстрация надежд, связанных с выходом нового журнала: отстаивание человеческого достоинства солдата, борьба с рукоприкладством, обличение невежества, корыстолюбия и подобострастия офицеров-

крепостников. Показательно, что антиподом главного героя — майора Нурки выступал в «Чуде «Морского сборника»» подполковник Травка — выпускник Военной академии, в которую к тому времени поступили З. Сераковский и Я. Станевич (также один из «соизгнанников оренбургских», по выражению из «Дневника» Т.Г. Шевченко).

В литературоведении распространилось представление, что рассказ «Чудо «Морского сборника»» создан Станевичем. Основанием для этого послужила запись в конторской книге «Современника» о получении им соответствующего гонорара⁹². Не опровергая вполне возможного такого единоличного авторства, все же следует обратить внимание на вероятность, что за псевдонимом «Иван Путинка» могли скрываться несколько человек: не только Ян Станевич, но и Зыгмунт Сераковский, и, не исключено, — вернувшийся из ссылки польский писатель Эдвард Желиговский. Показательно, что со всеми этими приятелями встретился Шевченко у В.М. Белозерского на следующий день после своего возвращения в Санкт-Петербург — вечером 28 марта 1858 г. К тому же, избранный для «Современника» псевдоним очень близок имени Ивана Путнева — одного из героев обнародованного в том же 1858 г. в Петербурге романа Желиговского «Сегодня и вчера». А Станевич мог получить гонорар, исполняя обязанности секретаря конспирации, основанной в Военной академии Сераковским.

Что касается Тараса Шевченко то, как видно по его художественным произведениям и «Дневнику», мысли об армии всерьез занимали Великого Кобзаря. В поразительном созвучии с высказанным В. Чичериным двумя годами ранее в «Голосах из России» он 14 июля 1857 г. в Новопетровском форте размышлял о солдатах, у которых «отнято все, чем только жизнь красна: семейство, родина, свобода, одним словом, — все», и офицерах, которым «отдано все, все человеческие права и привилегии». Гневно клеймив пьянство и драки «истинными досугами линейных, армейских и даже гвардейских молодых офицеров», Шевченко видел несомненную пользу в том, чтобы предать гласности низменную суть армейского бытия⁹³. Поскольку именно тогда речь шла об учреждении нового военного журнала, можно предположить не простое совпадение, ведь так или иначе причастен к появлению этого печатного органа в Петербурге товарищ Т. Шевченко З. Сераковский.

Среди авторов первого номера «Военного сборника» — С.Н. Федоров, оренбургский писатель-демократ, взявшийся за литературное творчество под влиянием Т.Г. Шевченко, А.Н. Плещеева, ссыльных польских революционеров. В течение десятилетия почти не выезжая из Оренбурга, он успел выступить в популярных столичных журналах. Сам он, составляя список своих произведений, на первое место поставил повесть «Потапов», предназначенную им для намеченного журнала при Гвардейском штабе⁹⁴ (хотя к тому времени в «Русском вестнике» уже вышли его «провинциальные сцены» под названием «Утешители»). На май 1858 г. Чернышевский принял в «Современник» драматическое произведение Федорова «Филантропы».

«Военный сборник» по приглашению Н.Г. Чернышевского поддержали такие постоянные сотрудники «Современника» как далеко не военные Н.А. Добролюбов, Е.П. Карнович, П.П. Пекарский и другие. Например, Добролюбов синхронно готовил в оба издания рецензии на «Записки об осаде Севастополя» Н.В. Берга и на «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера» А.И. Ершова.

Многие обратились к журналистике по приглашению редакции «Военного сборника»: С.П. Зыков, Н.П. Глиноецкий, М.И. Драгомиров, Н.Г. Залесов, Д.А. Спичаков и другие. Главным образом это были офицеры Военной академии и Отдельного гвардейского корпуса. В целом откликнулись сотни лиц, призвавших свои статьи, и тысячи, изъявивших охоту подписаться на журнал. К 15 апреля 1858 г. подписчиков насчитывалось четыре с половиной тысячи, а заявки продолжали поступать — по 200–300 в неделю⁹⁵. Когда общий тираж достиг 5884 экземпляров, подписку пришлось прекратить, хотя всех желающих удовлетворить не удалось.

«Подписка на «Военный сборник» за текущий год прекращена по истощению как первого, так и второго издания», — гласило сообщение «От редакции» на последней странице обложки 5-го номера, но даже при несомненном ограничении число читателей выглядело внушительным, — практически таким же, как у «Современника». Для ведомственной периодической печати почти 6-тысячный тираж вообще был необычным. Что касается русской армии с тридцатитысячным офицерством, то явление выглядело феноменальным: гражданские лица выписали около 200 экземпляров, остальные достались офицерам. Подписчиками выступали целые подразделения⁹⁶.

Не выдержав конкуренции, консервативный «Военный журнал» первым потерпел поражение: «С основанием журнала «Военный сборник», издающегося при Гвардейском штабе, в редакцию «Военного журнала» не только перестали поступать статьи посторонних сотрудников, но и те, что имелись, были забраны ими назад для помещения в «Военном сборнике»», — официально доносил Военно-ученый комитет Военного министерства⁹⁷. В 1859 г. «Военный журнал» вообще прекратил существование.

В кругу «Современника» вызревало намерение приобрести с торгов «Русский инвалид» — главный рупор военного министерства: была уверенность, что Некрасов сможет издавать эту газету «в расчете, разумеется, на содействие таких публицистических сил, как Чернышевский и Добролюбов». По неизвестным причинам прожект не удался⁹⁸. Отношения с «Русским инвалидом» усложнились до конфликта: там, где еще недавно рекламировалось издание «Военного сборника», развернулась арена яростных нападок на него⁹⁹.

Союзником «Военного сборника» выступил при штабе Отдельного гвардейского корпуса маленький журнальчик «Солдатская беседа», который можно было бы назвать своеобразным приложением к «Военному сборнику» с учётом того обстоятельства, что он выпущен почти синхронно: 27 февраля 1858 г. «с Высочайшего соизволения» санкционирован выход его первого номера (одобренного цензором В.Н. Бекетовым), а чуть более чем через два месяца

выдано подобное разрешение на «Военный сборник». Подписка «для войск» на «Солдатскую беседу» проводилась в редакции «Военного сборника»¹⁰⁰. И «Солдатская беседа», и «Военный сборник» подчеркивали, что функционировали не в штабе, а при нем: тем самым обращалось внимание на их особый характер. Редакция «Военного сборника» в сущности продемонстрировала относительную неподчиненность военному начальству: «Некоторые из гг. подписчиков «Военного сборника», обращавшиеся со своими требованиями в редакцию журнала, находящуюся при штабе Отдельного гвардейского корпуса, выставляли на письмах адрес неполный, подписывая только: «в штаб Отдельного гвардейского корпуса»; от этого происходило замедление в получении их требований редакцией «Военного сборника», и она, имея в виду предупредить на будущее это неудобство, просит тех из гг. подписчиков, которые присылают свои требования на журнал в редакцию его при штабе Отдельного гвардейского корпуса выставлять на письмах полный адрес, именно адресовать их не просто «в штаб Отдельного гвардейского корпуса», а непременно «в редакцию «Военного сборника», при штабе Отдельного гвардейского корпуса». Только по этому полному адресу доходят требования до редакции без промедления»¹⁰¹.

Сложно поверить, что по-настоящему весомы были трудности с доставкой «требований» на подписку, тем более, что в «Объявлении об издании «Военного сборника» предлагалось обращаться не куда иначе как в штаб Отдельного гвардейского корпуса»¹⁰². Никак не в редакцию «при штабе». Дело, видимо, в другом: объявление из-под пера Н.Г. Чернышевского, который в «хозяйственной части» заведовал подпиской на журнал, проводило линию, какой неуклонно следовало идти, отказываясь от самых выгодных финансовых предложений, если их реализация требовала попадания под начало военного ведомства. «По «Военному сборнику» я не считаюсь на службе для того, чтобы сохранить независимость от генералов, с которыми имею сношения по этому изданию, — писал Чернышевский родным. — Мне предлагали сделать редакторскую должность при Гвардейском штабе, но я отмолчался от этого предложения: теперь я могу говорить прямее, нежели мог бы тогда»¹⁰³.

Редактором и основным автором «Солдатской беседы» стал 42-летний А.Ф. Погосский, близкий Н.Г. Чернышевскому, Н.А. Добролюбову, Н.А. Некрасову, В.М. Аничкову, Н.Н. Обручеву. В своих материалах — и в «Солдатской беседе», и в журнале «Народная беседа», который с 1862 г. как бы адаптировал идеи «Солдатской беседы» к языку, понятному не только военным служащим, но и крестьянам, — он, успевший послужить и рядовым, и офицером, напоминал, что солдаты являются частью народа и пребывание в армии — лишь временное явление, что впереди возвращение домой, чаще всего в село. Отсюда его стремление насытить свое детище «всем, что нужно знать солдату, да не помешает и каждому человеку».

Александр Погосский не мог не понимать, что, если для подписки на «Солдатскую беседу» подходил адрес «при Штабе», то для переписки с «нижними чинами» он уже выглядел неудачным. Поэтому просил своих корреспондентов, как и других «частных лиц», адресоваться к нему в известный

магазин придворного книгопродавца А.Ф. Смирдина на Невском проспекте (там, где, кстати, обосновалась и редакция «Современника»). Само название «Солдатская беседа» подчеркивало стремление к тесному общению с читателями — «грамотными, малограмотными и совсем безграмотными».

Дебютный номер «Солдатской беседы» открывался обращением «Землякам служивым, кое-что о нашей беседе», с помощью чего Погосский приглашал солдат к невиданному ранее способу общения между собой — собираться для обсуждения вопросов, затронутых в журнале. Состав лиц, к кому обращался, он очертил с размахом: «пешие, конные и по морям плавающие», т.е. пехотинцы, кавалеристы, матросы — представители всех видов вооруженных сил. «Дело наше общее, до всех касающееся» — писал этот автор, что было совершенно феноменальным для армии и флота России явлением. Погосский отдавал себе отчет в особой роли массовой пропаганды и ставил задачу последовательного вовлечения читателей в общественную жизнь: «С часом, по маленьку дойдем и до тонкости, заговорим политичнее, а сразу нельзя, братцы: сначала топором, потом скобелем, а резьба да узоры — последнее дело».

Солидаризуясь с редакцией «Военного сборника», обратившейся с предложением сотрудничества к офицерам и уже начавшей получать от них статьи, «Солдатская беседа» поместила отклик в поддержку журнала Чернышевского: «Вот и почали теперь люди знающие, ученые, писать и рассуждать о том, как следует образовывать, то есть выучить разуму и нашего брата-солдата. И любо читать, как иной благородный офицер пишет: «мы, говорит, должны сдружиться с солдатом, он-де товарищ наш, он нам брат меньшей ... а если он хорош, честен и трудолюбив — отдадим ему почтение... Стыдно и грешно было бы нам не ответить на это также честно и благородно... Коли не брезгают они подать чистую руку свою в помощь нам и дружеским голосом зовут нас на добрую дорогу, то грех было бы не послушать их...»¹⁰⁴.

Первый номер «Военного сборника» воспроизвел один из материалов «Солдатской беседы» — рассказ «Отставное счастье» в сопровождении примечания Н.Г. Чернышевского о том, что журнал А.Ф. Погосского — помощь офицерам, обучающим подчиненных грамоте: «Чтобы пособить по мере сил своих общему делу, г. Погосский, уже напечатавший несколько замечательных книжек для солдат, предпринимает теперь издание целого ряда брошюр под названием «Солдатская беседа». Мы помещаем здесь один из его новых рассказов, чтобы ознакомить читателей «Военного сборника» с характером статей, которыми г. Погосский надеется заинтересовать солдат и возбудить в них охоту к чтению. Главная мысль автора: спуститься в самую обыденную жизнь солдата, затронуть его чувствительную струну и тогда уже постепенно поднимать его»¹⁰⁵.

Во всяком случае, «Военный сборник» нисколько не заслужил упреков и в том, что он «не имел распространение в солдатской массе», и в том, что якобы «не охватывал своим воздействием большую часть офицерского состава»¹⁰⁶. Естественно, «Военный сборник» не распространялся среди солдат по той же причине, по которой «Современник» не имел хождения среди крестьян. Собственно, отставной майор Погосский, приглашая солдат быть «собесед-

никами», объяснял им, что есть и другие замечательные книги, но для них пока не предназначенные.

Письма Н.Н. Обручева к А.Ф. Погосскому свидетельствуют об их сотрудничестве в издании «Солдатской беседы» и о том, что вопросам сближения солдат с крестьянами в том журнале уделялось значительное внимание¹⁰⁷. Свообразным откликом на задумку использования армии как рассадника народного просвещения были слова во втором номере «Солдатской беседы», что солдаты должны разнести по свету «все то, чему их на службе выучили». Погосский апеллировал к людям, понимающим как достичь цели. «Выучимся же добру, и тогда всюду встретят солдата как брата старшего, как учителя»¹⁰⁸ — призывал своих читателей.

В «Солдатской беседе» статья «Ложь и воровство» как бы предвосхищала агитационную литературу для народа, вскоре получившую распространение. В напечатанном тексте содержалось отнюдь не двусмысленное указание на злодеев, обкрадывающих народ: «Конечно, и на медведя есть рогатина: и вор дрожит — словно его черт берет, протягивая руку за чужим добром. Попался он — ну как с ним расчет короток: драл волк, дерут и волка. А вот как прикажете избавиться от такого мошенника, который серед белого дня, при народе, промышляет обманом да обирает темного человека хитростью и разным надувательством? И нет на него ни суда, ни улики, затем, что изворотлив он как змея. Что прикажете делать с таким ворищем, который и по дружбе и по службе крадет да еще похвально: дело, мол, делаю; «квашню мешу — между пальцев мое остается! А остается там ино половина; «крою — песни пою, а кто будет шить, тот наплачется!» Ну, да об этих гусях лапчатых поговорим когда-нибудь потом. Надо будет потолковать о них особенно и пообстоятельнее: ведь все они какого ни есть звания и состояния — босиком ли ходят, аль в рыдване разъезжают — одного поля ягоды, все те же воры»¹⁰⁹.

Такие фразы свидетельствовали о жгучем желании поддержать настроения крестьян и солдат избавиться от несправедливости, что тем более весомо, поскольку номера журнала Погосского были практически единственными книжками, способствовавшими просветительной работе в армейской массе. Тяга к «Солдатской беседе» оказалась настолько мощной, что Погосский взялся за продукт аналогичного содержания для максимального распространения — «Народную беседу»¹¹⁰.

Собственно, «Военный сборник» и «Солдатскую беседу» можно рассматривать как парное издание с налаженными редакционными контактами. Для распространения в солдатской массе издавалась «Солдатская беседа», а «Военный сборник» предназначался офицерам и дошел до очень многих из них.

«Направление «Военного сборника» было понято огромным большинством русских офицеров точно так, как предполагала понимать его редакция «Сборника», — четко заявил Николай Чернышевский¹¹¹. Редакция журнала имела все основания считать, что ее «Объявление об издании «Военного сборника»» нашло живой отклик в армии. Отмечая как было воспринято приглашение к сотрудничеству в новом периодическом органе, она с удовлетворением отме-

тила: «Из всех концов России, где только стоят войска, получались редакциею чрезвычайно многочисленные статьи, написанные все без исключения в одном и том же духе»¹¹². С особым радушием редакция встретила письмо прапорщика Смоленского пехотного полка Н.Ф. Трусова «Голос из армии», выразившее не только его личное мнение, а и взгляды целого кружка «маленького общества» молодых офицеров¹¹³.

Было Николаю Трусову тогда не более 24-х лет, но за плечами он имел немалый военный опыт. Еще в начале своей службы, в 1854 г., ему, 19-летнему унтер-офицеру Смоленского пехотного полка, довелось в составе действующей армии участвовать в переправе по студеной вешней воде на правый берег Дуная и в штурме расположенной там турецкой батареи. В 20 лет стал прапорщиком и со своей частью был переведен в Севастополь. Сражался на Черной речке, Федюхинских высотах, Бельбекской позиции, за Макензеву гору. Видел, как по вине бездарных «верхов» бессмысленно погибали однополчане. Даже прошение об отставке он наполнил горечью воспоминания о наступлении его отряда и движении «того же числа в обратном направлении»¹¹⁴.

После окончания военных действий полк «смоленцев» был передислоцирован на постоянные квартиры, а в 1857 г. — перебросен в Королевство (Царство) Польское. Там «небольшой кружок одного из армейских полков» стал предшественником революционной организации офицеров русской армии в Польше. Среди тех, кто мог вместе с Трусовым обсуждать в нем программу «Военного сборника», был, например, уроженец Волыни подпоручик К.И. Крупский, поступивший в Смоленский полк после окончания Константиновского военного училища¹¹⁵.

Основное внимание Н.Ф. Трусов уделил сопоставлению «жизни общества военного» с гражданской жизнью. Отношение офицеров к солдатам, как указывал Трусов, «было порождено барским сословным взглядом и перенесено на службу из житейской среды». Вспоминая помещичьи имения, где такого же рода были отношения между крестьянами и их владельцами, автор «Голоса из армии» оказался настолько смелым, что не убоился охарактеризовать военную службу как «службу частному лицу, а не государству». Подчеркнув, что поведение офицера по отношению к солдатам порождено крепостническими отношениями в стране, укреплял позиции человеческого достоинства всех угнетенных: «Я далек от слезливого, вялого обращения, от идиллического представления себе нравственной стороны солдата, но еще дальше от того, чтобы симпатизировать телесным наказаниям». Резкое осуждение насилия над личностью сопровождалось обличением и пресловутого «солдатокрадства». Начальники разного уровня обворовывали подчиненных, утаивая для себя значительную долю их провианта. Вскрывалась гнилость армейских порядков сверху донизу: «Начальник части, требующий услужливости от своих подчиненных, сам делает то же самое относительно высших. Движимый ревностью к угождению начальству, он готов был раздеть солдат и сложить все в цейхгауз, чтобы ничего не носилось и не портилось»¹¹⁶.

Соображения Трусова и его сослуживцев получили одобрение не только редакции «Военного сборника», но и Александра II (он пожелал увидеть текст напечатанным, а самого Трусова приветил на одном из смотров)¹¹⁷. Интересно, что осенью 1861 г. Николай Трусов солидаризовался с опубликованной в «Современнике» статьей Николая Чернышевского «Народная бестолковость»¹¹⁸. Уже находясь в отставке, обратился к редактору славянофильского еженедельника «День» И.С. Аксакову с осуждением охранительной кампании: «Я не думаю, что было хорошо, особенно в настоящее время, подкладывать дров в утихающий костер национальной вражды. И неужели Вы не верите, что главные препятствия для лучшего будущего одни и те же для нас и поляков, и что в уничтожении только этих общих препятствий, общих врагов, лежит единственная возможность мирно разделиться по племенам и народностям». Остро критикуя крестьянскую реформу 1861 г. как «двуличную», помянул глубокое негодование народа и выдвинул на первый план необходимость сочувственного отклика «на стоны медленно задушаемых миллионов серого лаптевого народа», реализации «насуточной нужды угнетаемого»¹¹⁹.

Александр II не был ни революционером, ни либералом, но и прежним крепостником он уже не мог оставаться. Вхождение Н.Г. Чернышевского в редакцию «Военного сборника» означало попытку легально «подталкивать» правительство к уступкам освободительному движению¹²⁰. В этом — ключ к пониманию перипетий, связанных с журналом, издававшимся по высочайшему повелению, каким было веление времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

-
- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. — Т. 20. — Москва, 1961. — С. 171.
- ² Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. — Москва, 1973. — С. 16.
- ³ Орехова Л.О., Васильева Д.К., Орехов В.В., Орехов Д.В. Крымська Іліада. — Сімферополь, 2004. — С. 212.
- ⁴ Шавшин В. Плененный монастырь // Родина. — 1995. — № 3/4. — С. 73.
- ⁵ Лях С.Р. Київська козаччина 1855 // Енциклопедія історії України. — Т. 4. — К., 2007. — С. 223–224; Крижановська О.О. Поміщицькі селяни Правобережної України у 30–50-х роках XIX ст. (умови життя, суспільно-політичний світогляд, соціальний темперамент). — К., 2008. — С. 169–172.
- ⁶ Селянський рух на Україні 1850–1861 рр. — К., 1988. — С. 7–8, 82–153.
- ⁷ Об этом органе: Усенко П.Г. Передмова реформ: “Морской сборник” 1850-х рр. (з історії військової преси) // Свобода. — 2013. — 28 жовтня, 11 листопада, 9 грудня.
- ⁸ Днепров Э.Д. “Морской сборник” в общественном движении периода первой революционной ситуации в России // Революционная ситуация в России 1859–1861 гг. — Москва, 1965. — С. 232.
- ⁹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. — Т. 3. — Москва, 1947. — С. 679.
- ¹⁰ Там же. — Т. 5. — Москва, 1950. — С. 69.

- ¹¹ Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. — Т. 10. — Москва, 1952. — С. 375.
- ¹² Колокол. — 1857. — 1 октября
- ¹³ Герцен А.И. Собрание сочинений. — Т. 12. — Москва, 1952. — С. 204–205.
- ¹⁴ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. — Т. 2. — Москва, 1949. — С. 633.
- ¹⁵ Там же. — С. 729.
- ¹⁶ Там же. — С. 582. Эта тема ранее освещена в: Усенко П.Г. Паростки гласності: “Морской сборник” середины 1850-х рр. у полі зору М. Чернышевського, Т. Шевченка та їхніх польських сподвижників // Проблеми історії України ХІХ — початку ХХ ст. — К., 2011. — Вип. 19. — С. 294–310.
- ¹⁷ Добролюбов Н.А. Собрание сочинений. — Т. 2. — Москва–Ленинград, 1962. — С. 413–414.
- ¹⁸ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. — Т. 10. — Москва, 1951. — С. 94–95.
- ¹⁹ Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів. — Т. 5. — К., 2003. — С. 15.
- ²⁰ Современник. — 1857. — № 6. — С. 40.
- ²¹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. — Т. 8. — Москва, 1950. — С. 207.
- ²² Там же. — Т. 16. — Москва, 1953. — С. 953.
- ²³ Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. — Т. 1. — Москва, 1967. — С. 329–331
- ²⁴ Общественно-политическое движение на Украине в 1856–1862 гг. — К., 1963. — С. 266–267.
- ²⁵ Бескровный Л.Г. Указ. соч. — С. 80, 83.
- ²⁶ Полное собрание законов Российской империи. — Т. 31. — № 31236.
- ²⁷ Добролюбов Н.А. Собрание сочинений. — Т. 9. — Москва–Ленинград, 1964. — С. 395.
- ²⁸ Зыков С.П. наброски из моей жизни // Русская старина. — 1910. — № 4. — С. 141–145.
- ²⁹ Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. — Москва, 1982. — С. 163, 173.
- ³⁰ Там же. — С. 331–332.
- ³¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 801, оп. 99/73, д. 180, л. 117; Орлов Н.А. Об уничтожении телесных наказаний в Российской империи и в Царстве Польском // Русская старина. — 1881. — № 5. — С. 95–102; Усенко П.Г. Ініціативи З. Сераковського у сфері реформ 1860-х рр. // Проблеми історії України ХІХ — початку ХХ ст. — К., 2011. — Вип. 18. — С. 209.
- ³² Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. — Т. 6. — Москва, 1949. — С. 494–495.
- ³³ Герцен А.И. Собрание сочинений. — Т. 17. — Москва, 1959. — С. 219–220.
- ³⁴ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. — Т. 10. — Москва, 1956. — С. 213.
- ³⁵ Шаганов В.Н. Н.Г. Чернышевский на каторге и ссылке. — Санкт–Петербург, 1907. — С. 23.
- ³⁶ Усенко П.Г. Домбровський (Dąbrowski) Ярослав // Енциклопедія історії України. — Т. 2. — К., 2004. — С. 442–443.
- ³⁷ Авейде О. Показания и записки о польском восстании 1863 г. — Москва, 1961. — С. 490.

- ³⁸ Отдел рукописей Института русской литературы Российской Академии наук (ИРЛИ). — № 265, л. 3; № 122, л. 1–4.
- ³⁹ *Ojczyzna*. — 1865. — 16 kwietnia.
- ⁴⁰ *Dubowski B.* Pamięci Zygmunta Sierakowskiego // Lwów, 1906. — S. 72–73.
- ⁴¹ *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. — Т. 1. — Санкт-Петербург, 1911. — С. 131.
- ⁴² *Беловинский Л.В.* Русская гвардия в XVIII–XIX веках // Вопросы истории. — 1983. — № 9. — С. 96.
- ⁴³ Цит. по переизд.: *Голоса из России*. — Вып. 1. — Москва, 1974. — С. 88, 99, 104, 105.
- ⁴⁴ *Struś [Sawicki J.]* Ludzie i wypadki z 1861–65 r. — Lwów, 1884. — S. 6; *Дьяков В.А.* Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов. — Москва, 1967. — С. 153–154.
- ⁴⁵ РГВИА, ф. 1466, оп. 1, л. 213.
- ⁴⁶ *Козьмин Б.П.* Н.Г. Чернышевский в редакции “Военного сборника”: Из воспоминаний Д.А. Милютинина // Литературное наследство. — Т. 25/26. — Москва, 1936. — С. 235.
- ⁴⁷ *Русская периодическая печать (1702–1899): справочник*. — Москва, 1959. — С. 358.
- ⁴⁸ *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. — С. 246.
- ⁴⁹ *Покусаев Е.И.* Н.Г. Чернышевский. — М., 1976. — С. 54.
- ⁵⁰ *Обручев Николай Николаевич* // Большая советская энциклопедия. — Т. 18. — Москва, 1974. — С. 230.
- ⁵¹ *Алексеев М.Н.* Военная разведка в Российской империи — от Александра I до Александра II. — Москва, 2010. — С. 450.
- ⁵² *Баренбаум И.С., Костылева Н.А.* Книжный Петербург–Ленинград. — Ленинград, 1986. — С. 232.
- ⁵³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ), ф. 169, к. 21, д. 51, л. 1.
- ⁵⁴ Там же, ф. 169, к. 65, д. 2, л. 56.
- ⁵⁵ *Шаганов В.Н.* Н.Г. Чернышевский на каторге и ссылке. — Москва–Петербург, 1923. — С. 7.
- ⁵⁶ Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях... — С. 159–168.
- ⁵⁷ *Русско-польские революционные связи*. — Т. 1. — Москва, 1963. — С. 204.
- ⁵⁸ РГВИА, ф. 14664, оп. 2, д. 2203, л. 171.
- ⁵⁹ *Бескровный Л.Г.* Очерки военной историографии России. — Москва, 1962. — С. 141–143.
- ⁶⁰ *Кавелин К.Д.* Собрание сочинений. — Т. 2. — Санкт-Петербург, 1898. — С. 11.
- ⁶¹ РГБ, ф. 169, к. 65, д. 3, л. 1об., 3 об.
- ⁶² РГВИА, ф. 14664, оп. 2, д. 2203, л. 71.
- ⁶³ *Революционная ситуация в России в середине XIX века*. — Москва, 1978. — С. 130.
- ⁶⁴ РГБ, ф. 169, д. 4, л. 3 об.
- ⁶⁵ РГВИА, ф. 450, оп. 1, д. 273, л. 1–12.
- ⁶⁶ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1243, л. 1.
- ⁶⁷ Там же, д. 1306, л. 63–65об.
- ⁶⁸ Там же, д. 1243, л. 148.
- ⁶⁹ *Макеев Н.* Н.Г. Чернышевский — редактор “Военного сборника”. — Москва, 1950. — С. 35.

⁷⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 777, т. 2, 1858 г., д. 81. Об этом сюжете: *Усенко П.Г.* Новое о Н.Г.Чернышевском (источники для изучения истории издания “Военного сборника” в 1858 году) // Русская литература. — 1978. — № 1. — С. 140–146.

⁷¹ РГИА, ф. 772, оп.1, д. 4318, л. 8, об. 9.

⁷² РГБ, ф. 169, к. 65, д. 3, л. 2.

⁷³ Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 1, оп. 1, д. 352, л. 14 об.

⁷⁴ *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений. — Т. 14. — Москва, 1949. — С. 352–353.

⁷⁵ *Писарэк Г.* Пятнадцать писем Зыгмунта Сераковского и Бронислава Залеского к Аркадию Венгжиговскому // К столетию героической борьбы “за нашу и вашу свободу”. — Москва, 1964. — С. 16.

⁷⁶ *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений. — Т. 3. — Москва, 1947. — С. 559–560.

⁷⁷ *Милютин Д.А.* Воспоминания: 1843–1856. — Москва, 2000. — С. 413.

⁷⁸ *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений. — Т. 14. — Москва, 1949. — С. 363.

⁷⁹ ИРЛИ, № 208, л. 1.

⁸⁰ Wspomnienia o Zygmuncie Sierakowskim — naczelnim wodzu powstania styczniowego na Litwie i Żmudzi: Wyjątki z pamiętnika Jana Staniewicza. [— Kowno, 1939.] — S. 14.

⁸¹ РГВИА, ф. 14664, оп. 2, д. 273, л. 43.

⁸² *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений. — Т. 14. — Москва, 1949. — С. 353.

⁸³ *Макеев Н.* Н.Г. Чернышевский — редактор “Военного сборника”. — Москва, 1950; *Его же.* Н.Г. Чернышевский — редактор “Военного сборника” // Вопросы истории. — 1949. — № 4; *Таубин Р.А.* Чернышевский о войне и армии // Военная мысль. — 1947. — № 2; *Его же.* К вопросу о роли Н.Г. Чернышевского в создании “революционной партии” в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века // Исторические записки. — Т. 39. — Москва, 1952; *Его же.* Борьба Н.Г. Чернышевского за армию в период редактирования им “Военного сборника” // Ученые записки Ульяновского педагогического института. — 1956. — Вып. 8; 1957. — Т. 10, вып. 4.

⁸⁴ *Вержбицкий В.Г.* Революционное движение в русской армии (1826–1859 гг.). — Москва, 1964. — С. 311.

⁸⁵ РГБ, ф. 169, к. 65, д. 3, л. 1 об., 2, 3, 6.

⁸⁶ Там же, л. 2 об.

⁸⁷ РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 1243, л. 71.

⁸⁸ Там же, д. 1306, л. 72–74; Русский инвалид. — 1858. — 12 февраля; Современник. — 1858. — № 2. — Приложение.

⁸⁹ РГБ, ф. 169, к. 65, № 3, л. 18 об.

⁹⁰ *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений. — Т. 14. — С. 367.

⁹¹ Подробнее: *В.Е.[Егорьев В.Е.]* Чудо “Морского сборника” // Морской сборник. — 1923. — № 3/4. — С. 109–120.

⁹² *Боград В.Э.* Журнал “Современник”: 1847–1866. — Москва, 1959. — С. 333, 547.

⁹³ *Шевченко Т.Г.* Повне зібрання творів. — Т. 5. — К., 2003. — С. 15.

⁹⁴ *Усенко П.Г.* Письма С.Н. Федорова к Н.А. Добролюбову, Зыгмунту Сераковскому и Яну Станевичу // Русская литература. — 1977. — № 4. — С. 129–136.

- ⁹⁵ РГБ, ф. 169, к. 65, д. 3, л. 8.
- ⁹⁶ ИРЛИ, ф. 375, д. 2, л. 110 об.; Там же, д. 15, л. 3 об.
- ⁹⁷ РГВИА, ф. 401, оп. 1/289, д. 65, л. 85.
- ⁹⁸ Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях... — С. 171.
- ⁹⁹ РГБ, ф. 169, к. 65, д. 3, л. 18 об.
- ¹⁰⁰ Солдатская беседа. — 1858. — № 1. — Обложка.
- ¹⁰¹ Военный сборник. — 1858. — № 1. — Обложка.
- ¹⁰² Русский инвалид. — 1858. — 1 февраля.
- ¹⁰³ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. — Т. 14. — С. 367.
- ¹⁰⁴ Солдатская беседа. — 1858. — № 1. — С. 3–17.
- ¹⁰⁵ Военный сборник. — 1858. — № 1. — С. 189.
- ¹⁰⁶ Сладкевич Н.Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. — Ленинград, 1979. — С. 65.
- ¹⁰⁷ ИРЛИ, ф. 1620, л. 1–4 об.
- ¹⁰⁸ Солдатская беседа. — 1858. — № 1. — С. 37.
- ¹⁰⁹ Там же. — 1858. — № 2. — С. 71.
- ¹¹⁰ Революционная ситуация в России в середине XIX в. — Москва, 1978. — С. 285; Баренбаум И.Е. Народные журналы А.Ф. Погоского в годы революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. — Москва, 1970. — С. 196–214.
- ¹¹¹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. — Т. 5. — Москва, 1950, — С. 444.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Н.Ф.Т. [Трусов Н.Ф.] Голос из армии // Военный сборник. — 1858. — № 1. — С. 77.
- ¹¹⁴ РГВИА, ф. 395, оп. 52, д. 1427, л. 2.
- ¹¹⁵ Вержбицкий В.Г. Новые материалы о Константине Игнатьевиче Крупском // Исторический архив. — 1955. — № 5. — С. 202–203; Дьяков В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов. — Москва, 1967. — С. 90–91.
- ¹¹⁶ Н.Ф.Т. [Трусов Н.Ф.]. Указ. соч. — С. 78–79.
- ¹¹⁷ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. — Т. 5. — С. 454; Жуков И. Из воспоминаний шестидесятника // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. — Москва, 1962. — С. 552.
- ¹¹⁸ Подробнее: Усенко П.Г. Идейное единство русских, украинских и польских революционеров-демократов (50–60-е гг. XIX в.). — К., 1985. — С. 100–101.
- ¹¹⁹ ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, д. 620, с. 1–3.
- ¹²⁰ Специально об этом: Усенко П.Г. Роль М.Г. Чернышевского у виданні “Военного сборника” // Український історичний журнал. — 1983. — № 5. — С. 132–134.

Стаття надійшла до редколегії 28.11.2013.

ПІД «ВИСОЧАЙШОЮ» ЕГІДОЮ (біля витоків демократичної тенденції військової преси)

Стаття висвітлює виникнення демократичної тенденції у місячнику «Военный сборник» (1858 р.).

Ключові слова: Російська імперія, збройні сили, реформа, преса.

**UNDER THE «HIGHEST» AUSPICES
(at the origins of democratic tendencies military press)**

The article highlights origin democratic tendency in the monthly «Vojennyj Sbornik» (1858).

Keywords: *Russian Empire, forces, reform, press.*